

ПОЭТИКА ДЕТСКИХ СТИХОВ ВАЛЕНТИНА БЕРЕСТОВА: И НАШИМ И ВАШИМ, ИЛИ ПЯТАЯ «АХМАТОВСКАЯ СИРОТА»

В.В. Калмыкова

Независимый исследователь, г. Москва

Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998) — детский поэт советской эпохи, и его творчество постепенно начинает забываться. Вместе с тем в детской поэзии ему удалось создать тексты нового типа, кардинально отличающегося от стилистики более знаменитых современников. Обращаясь к маленькому адресату, поэт явно предполагал ситуацию совместного семейного чтения стихотворений (родитель читает вслух) и делал свои произведения привлекательными и для взрослых, вставляя в них разного рода аллюзии.

Ключевые слова: В. Д. Берестов, поэзия для детей (детская поэзия), метафора, возрастные особенности восприятия текста, когнитивная функция, прескриптивная функция, гедонистическая функция.

Возможно, Берестов остался бы никому неизвестным среднестатистическим гуманитарием, если бы лет в 14, находясь в Ташкенте, куда его семью эвакуировали во время Великой Отечественной войны, не познакомился с Н.Я. Мандельштам и А.А. Ахматовой, а позже благодаря им и с К.И. Чуковским. Ахматова дала ему путевку в жизнь, отправив рекомендательное письмо в Москву, в интернат для одаренных детей; Чуковский способствовал его журнальным публикациям и выходу книг детских стихов [1]. Позже они были оценены не только читателями, но и государством: за книгу стихов «Улыбка» Берестов в 1990 г. получил Государственную премию РСФСР.

По профессии Берестов — историк, по роду первоначальных занятий — археолог. С археологией связаны его первые стихи, увидевшие свет в журнале «Юность». Этой же теме посвящено то стихотворение, с разбора которого и предлагается начать анализ одного из аспектов поэтики Берестова, а именно тех средств, с помощью которых автор моделирует восприятие сразу двух поколений читателей:

Потеряла девушка перстенок
И ушла, печальная, с крылечка.
А спустя тысячелетье паренек
Откопал ее любимое колечко.
Я б и рад ей то колечко вернуть,
Да не в силах... Время любит пошутить.
(«Колечко») [2]

Известен случай, когда некий отец прочитал это стихотворение пятилетней дочери. Вероятно, он рассчитывал, что ребенок сделает когнитивный скачок и ответит нечто вроде: «О быстротечности/необратимости времени», — т.е. сформулирует по-взрослому. Но дочь, недолго подумав, ответила: «О бережливости».

Этот реальный жизненный пример позволяет поставить проблему определения средств, с помощью которых автор делает свои детские стихи одинаково привлекательными и для детей, и для взрослых: первые получают из них положенные знания о мире, а вторым не скучно их читать и интерпретировать. В «Колечке» имеет место неоднозначное, «открытое» определение темы, т.к. их в крошечном тексте действительно не одна, а две: первая задана в начале (потеря украшения), а вторая — шутки времени — в конце. Пятилетний ребенок, если он, конечно, не вундеркинд, только-только начинает воспринять метафору, тогда как возможности ее понимания и использования приходят в более старшем возрасте, ведь известно, что «период восприятия метафорических знаний приходится на 5 лет, стадия развития метафорических знаний — на 6 и 7 лет, а период рационального принятия метафорических решений — на 8 лет» [8]. Дочь действовала в соответствии с возрастными возможностями: «Детская метафора, в отличие от метафоры взрослых, предметна и возникает на основе чувственного опыта ребенка. Ее предметность проявляется в установлении сходства между конкретными объектами, тогда как у взрослых актуализируются представления о признаках не только конкретных, но и отвлеченных объектов. Область-источник метафоры у детей более компактна и однородна, чем у взрослых. Расширение объема области-источника и дальнейшее развитие метафоры обусловлено увеличением когнитивно-языкового и социокультурного опыта человека» [3].

Детская поэзия преследует несколько целей и обладает аналогичными функциями. Среди них *когнитивная* (знания о мире в доступной, запоминающейся форме), *прескриптивная* (что такое хорошо и что такое плохо), *гедонистическая* (первоначальное представление о том, что мир устроен гармонично и прекрасно) и др. Стихи для самых маленьких носят преимущественно описательный характер, а чем старше становится ребенок, тем глубже обобщение в предназначенном ему тексте: предполагается, что по аналогии он и сам научится осуществлять процесс обобщения [4].

К первой группе можно отнести стихотворение Берестова «Верблюжонок»:

Закидывая голову, как птица,
Пьет верблюжонок воду из корытца.
Он пьет и пьет. Напился наконец.
— Пей про запас! — советует отец, —
Ведь то, что на верблюдах возят люди,
Наш брат верблюд везет в самом верблюде [2].

Сразу заметим, что в структуру текста входит загадка («то, что...») и лингвистическая игра автора с предлогами: люди возят воду *на* верблюде, но для себя верблюд носит воду *в* себе. Попутно формируется столь важный прием, как различение внутреннего и внешнего посредством языковых средств.

Вторую группу представляет стихотворение «Как хорошо уметь читать», которое все-таки известно, и приводить текст не стоит. Уметь читать хорошо,

не уметь — существенно хуже (Берестов не делает откровенно моралистического вывода «плохо», он довольствуется модальностью «не надо»).

Обратим внимание на значительно менее известный текст. В нем проявляются и первая, и вторая функции, а вот третья не затронута никак, напротив, выводится за пределы картины мира:

Скрип-скрип. Какой печальный звук!
Скрипит под ветром старый сук.
Скрип-скрип. Вернулись из починки
И радостно скрипят ботинки.
Скрип-скрип. Кузнечик! А теперь —
Скрип-скрип! — разохшаяся дверь.
Скрип-скрип — и перья заскрипели.
А скрипки? Скрипки вдруг запели.

Как-то совестно скрипеть,
Если ты умеешь петь.
(«Скрип-скрип») [2]

В финале дана мораль совершенно не в духе «дедушки Крылова»: если ты в состоянии быть благозвучным (и в метафорическом смысле тоже: этот уровень смысла для взрослого и ребенка постарше), лучше будь таким, но если нет — тоже ничего, можно. Вывод подготавливается не столько сюжетом, как в баснях, сколько неоднократным повтором междометия, глагольными формами и однокоренными словами, значения которых так далеко разошлись, что их родство неожиданно даже для опытного носителя языка. В словаре М. Фасмера этимология слова «скрипка» непосредственно возводится к глаголу «скрипеть», а сам он происходит от звукоподражательного *скри* (см. русское *крик*, латинское *screpo* — «трещу, скриплю» [5]). Ребенку важен, конечно, образ, возникающий на основе созвучия, а взрослый считает игру слов.

Ну-ка в сторону карандаши!
Ни костяшек. Ни ручек. Ни мела.
Устный счет! Мы творим это дело
Только силой ума и души.
Числа сходятся где-то во тьме,
И глаза начинают светиться,
И кругом только умные лица,
Потому что считаем в уме.
(«Устный счет») [2]

Это стихотворение рассчитано на ученика младшей школы. Основная эмоция — побуждение, но не к устному счету как таковому, а к творчеству ума, недаром «ум» повторяется дважды, подкрепленному душевным порывом («Мы творим <...> силой ума и души»), поддержанным интонацией отказа, отречение

(троекратно повторенная усилительная частица *ни*). Глаза, светящиеся изнутри благодаря умственному и душевному творчеству, — образ для взрослого.

Сосредоточимся на тех детских стихах Валентина Берестова, в которых он шел на явный лингвистический эксперимент, что и делает произведение интеллектуально ресурсным для обоих читателей, точнее читателя и слушателя, если принимать как данность типичную ситуацию: ребенок, не умеющий или не очень хорошо умеющий складывать слова самостоятельно, и взрослый, читающий вслух.

Не идетя и не едетя,
Потому что гололедица.
Но зато
Отлично падается!
Почему ж никто
Не радуется?
(«Гололедица») [2]

Как известно, для «взрослого» поэта глагольная рифма — дурной тон. В детском стихотворение, построенное на рифмовке глагольных форм, Берестов вводит две редкоупотребимых безличных («идетя», «едетя»), один неологизм, тоже безличный («падаетя») и одну общераспространенную форму третьего лица («радуется»). Смысл стихотворения — обманка: обыденная картина мира показывает нам, что идти и ехать — хорошо, а падать, напротив, плохо. Автор же уверяет нас, что это «отлично», задействуя сразу два смысла слова: «очень хорошо получается» и «наивысшее достижение с моральной и т.п. точки зрения». Действие падения в гололедицу осуществляется действительно хорошо, но падать — плохо, а поэт запутывает нас, разрушая инерцию языкового восприятия.

В следующем примере речь идет об игре со значениями не отдельных слов, а устойчивых сочетаний, причем не общеязыковых, а распространенных, во всяком случае в момент возникновения, в определенной социальной группе.

«Дана Козявке по заявке справка
В том, что она действительно Козявка
И за Козла не может отвечать».
Число и месяц. Подпись и печать.
(«Делопроизводство») [2]

Известное блатное выражение: «За козла ответишь» — реакция на уничижительное именование «козел», основанное опять-таки на узко распространенном смысле, — здесь обыгрывается благодаря ложной паронимической аттракции: козел и козявка не однокоренные слова и даже не паронимы, поэтому Козявка за Козла отвечать и не может. Если этимология слова «козел» общераспространенная, то о происхождении «козявки» сказать этого нельзя, поэтому приведем объяснения Фасмера и Шанского: «козя́вка. От коза́ ввиду сход-

ства усиков с рогами...» [5]; «Искон. Уменьшит.-ласкат. суф. производное от *козява* (ср. *малявка*), в диалектах еще известного образования с суф. -яв- от коза. Насекомое названо по усикам, похожим на рожки» [6].

В текст включен и элемент пародии: абсурдность справки как бы снимается тем, что она оформлена по всем бюрократическим правилам.

Игра с неопределенными местоимениями явственна видна в «Искалочке»:

Если где-то нет кого-то,
Значит, кто-то где-то есть.
Только где же этот кто-то,
И куда он мог залезть? [2]

Здесь подозреваются интертекстуальные связи с известными советскими песнями «Незримый бой» (слова Анатолия Горохова, музыка Марка Минкова): «Если кто-то кое-где у нас порой / Честно жить не хочет...» (звучала в сериале «Следствие ведут знатоки») и с «В моей душе покоя нет...» (слова Роберта Бернса в переводе С.Я. Маршака, музыка А. Петрова, звучала в фильме «Служебный роман»): «Но нет со мной кого-то, / Мне грустно отчего-то...» Трудно сказать, реальны ли эти связи — или здесь сказался общий лингвистический контекст эпохи.

Рассуждения о мотивации даны в стихотворении «Заяц-барабанщик», где три констатации морального характера, следующие друг за другом, нивелируются четвертой, выражающей чисто материальную причину:

За уши зайца
Несут к барабану.
Заяц ворчит:
— Барабанить не стану!

Нет настроения,
Нет обстановки,
Нет подготовки,
Не вижу морковки! [2]

Игра с категорией одушевленности-неодушевленности, основанная на однокоренных словах, реализуется в следующем тексте:

— Учитель у меня в портфеле!
— Кто? Быть не может! Неужели?
— Взгляни, пожалуйста! Он — тут.
Его учебником зовут.
(«Учебник») [2]

В «Козе» знания о поведении домашних животных соединяются с острашением категории рода. Все мы знаем, что коза — женского рода, но здесь ис-

пользован средний — «животное», что, конечно, позволяет ввести рифму существительного, появившегося в результате субстантивации, с относительным прилагательным:

В дверь вошло животное,
 До того голодное:
 Съело веник и метлу,
 Съело коврик на полу,
 Занавеску на окне
 И картинку на стене,
 Со стола слизнуло справку
 И пошло опять на травку [2].

Многочисленные козы Берестова, вероятнее всего, имеют источник в богатой фольклорной традиции, одновременно и вербальной, и визуальной: в русском фольклоре, в народном и авторском лубке коз множество, поскольку это символ плодородия.

Козе
 Преподнесли
 Букет
 – Ну, что ж!
 Спасибо
 За обе-е-ед! [2]

Здесь обыгран обычай дарить букеты цветов женщинам (коза на лубках изображена в народном женском костюме) и то, что перед нами травоядное животное.

Столкновение антонимов позволяло Берестову создавать стихотворения сентенциозно-афористического характера: «Он, дескать, глуп. Он, дескать, мал. / А наш глупыш, собой владея, / С большим умом осуществлял / Свои дурацкие идеи» («Хитрец») в духе С. Михалкова. Паронимическая аттракция при переходе на чистую лирику, как в стихотворении «Лось», ввиду насыщенной метафоричности все-таки предназначенном скорее взрослым, порождает нетривиальные ассоциации: «Лес, породивший лося, / Прячет свое дитя».

Думается, проведенного анализа достаточно, чтобы с определенностью заявить: главное для Валентина Берестова — само слово с его возможностями сочетаться с другими словами и порождать смыслы. Паронимия, антонимия, повтор, этимологические экскурсы — всё это автор применяет для создания стихотворений, предназначенных как детям, так и взрослым. Такой подход был свойствен Анне Ахматовой, называвшей, как помнится, слово «царственным». Берестов, по-видимому, унаследовал от нее самый главный прием поэтики. Вот почему «ахматовских сирот», наверное, все же пять, а не четыре, хотя пятая реализовала полученное наследство в области, где никто этого не ожидал. Достаточно лишь одного примера для подтверждения гипотезы — стихотворения «Мир», в котором речь идет именно о *слове* мир, которое в будущем без войн

исчезнет из словаря, поскольку его значение определяется через антоним: «Нет, слово “мир” останется едва ли, / Когда войны не будут люди знать». Обычай названия останется неизменным: историзм выбывает из актуальной речи, когда отмирает явление. И в конце текста идет речь тоже о слове, а не о состоянии социума:

И только дети, знатоки былого,
Играющие весело в войну,
Набегавшись, припомнят это слово,
С которым умирали в старину [2].

В тексте есть и контекстная антонимическая пара «играть-умирать», также восходящая к речевой культурной ситуации Серебряного века.

Список литературы

1. Берестов В.Д. Светлые силы: Из книги воспоминаний // *Берестов В. Д. Избранные произведения*: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых: Вагриус, 1998. Т. 2. С. 509–601.
2. Валентин Берестов: Стихи // Рустих: Стихи классиков. URL: <https://rustih.ru/valentin-berestov/> (дата обращения: 23.07.2024).
3. Дубцова О.Р., Емельянова О.Ю. Способность понимать метафоры у детей с нормальным развитием и у детей с расстройствами аутистического спектра // Образовательная социальная сеть Nsportal. URL: <https://nsportal.ru/shkola/korreksiionnaya-pedagogika/library/2018/11/11/sposobnost-ponimat-metaforu-u-detey-s-normalnym> (дата обращения: 23.07.2024).
4. О детской литературе, детских поэтах и детском чтении: дискуссия [участники: С.М. Лойтер, Н.В. Ровенко, М.Д. Яснов] // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 101–107.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 23.07.2024).
6. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка // URL: <https://gufo.me/dict/shansky/> козявка (дата обращения: 23.07.2024).
7. Происхождение слова козявка // Этимологические онлайн-словари русского языка [Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г.А.; Этимологический онлайн-словарь русского языка Семёнова А.В.; Этимологический онлайн-словарик школьника «Почему не иначе?» Успенского Л.В.; Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера; Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М.]. URL: <https://lexicography.online/etymology/к/козявка> (дата обращения: 23.07.2024).
8. An empirical study on the development of metaphorical comprehension of Chinese children / Lulu Cheng, Yingming Guan, Ting Zhang, Linlin Zhan, Yanqin Liu, Peng Wang, Shanshan Yu, Yule Peng // *Frontiers in Psychology*. 2023. Section Developmental Psychology. Vol. 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1254129 (дата обращения: 23.07.2024).

Об авторе

Калмыкова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва; vkalmykova67@mail.ru